

УТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Прошло три года, и в спеле старейшего театра Москвы снова состоялась гастроли старейшего театра Ленинграда — знаменитой Александрия, Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

Театр с берегов Невы пришел в столицу разнообразный по первому взгляду, даже, можно сказать, несколько пестрый репертуар. И когда посмотреть на его гастрольную афишу, то несомненно возникает закономерный вопрос: как в пушкинском театре отражена пушкинская тема? В прошлый раз она была представлена «Маленькими трагедиями» с блестящими участием Н. Симонюка и В. Честнокова. А теперь — новым спектаклем «Болдинская осень».

Это «представление о Пушкине в 3-х действиях», великое искусство Ю. Савиным и поставленное режиссером Р. Горяевым, стало приметным событием театральной жизни. Спектакль обогащает Пушкиниану нашего искусства смелостью творческих исканий. Театр строго ограничивает свое внимание кратким, но знаменательным отрезком жизни поэта, днями его одинокого пребывания в Болдине осенью 1830 года. При такой ограниченности места и времени действия театр стремится показать личность великого русского поэта и ее наиболее характерные жизненные проявления.

Поставленная цель оказалась достигнута. Репляющее участие в осуществлении принадлежит молодому артисту Ю. Роднопову. Это уже не тот юноша, это знакомый нас

в прошлом приезд с прекрасным Савиной Адуевым из гомаровской «Обыкновенной истории». Пушкинская роль стала свидетельством возмужания его дарования.

Поначалу Ю. Роднопов коряжет выразительностью графически отточенного пластического рисунка роли. А потом в границах этого рисунка и выявляется все большее содержание внутренней жизни образа — се накал, пера, духовный мир поэта, мир его поэтического воображения. День за днем проводит поэт в вынужденном болдинском одиночестве, но и здесь с ним Натали Гончарова, любимый его сердцу Дельгин, здесь сталкивается он с Булгакиным и Николаем I, вступает в спор с Великим о перипетиях сюжета «Станционного смотрителя». Если бы еще при этом широко и вольно раскрывался мир творчества поэта, проливался молния стихия восточного вдохновения, все то, что вливается в себя понятие «Болдинская осень»!

Но и при всем этом не снимается аналитическая постановка «Болдинской осени», отчетливой одухотворенным исполнением главной роли. Она заключена в утверждении достоинства, красоты и силы таланта, чело одаренной личности, одержавшей нравственную победу в противоборстве с враждебным ее волюнтаризму и природе обществом.

Когда после «Болдинской осени» смотрит другие спектакли ленинградского театра, то все отчетливее становится, что не так-то уж и пестро

предлагаемый им репертуар. В нем есть прочно сложившаяся идея, художественная цельность: утверждение на позициях социалистического гуманизма, театр предпринимает художническое исследование судьбы личности в многообразных ее социальных взаимоотношениях с обществом.

В этой мысли еще сильнее убеждаешься после того, как побываешь на тургеневском «Нахлебнике» в постановке О. Соловьева. Другое время, другая жизнь, другие характеры и судьбы, но и тут не в меньшей степени дает о себе знать гуманистическая устремленность искусства театра. Он показывает, как обремененный судьбой Кузовкин в нравственном отношении оказался выше и благороднее тех, кто ущемлял его честь и достоинство человека.

Глубокий постижения внутренней жизни сценарного образа отмечено исполнением артистом А. Борисовым роли Кузовкина. Может показаться, что он прочитывает роль в бытовом ключе. Но такое суждение было бы ошибочным. Погружаясь в быт, в житейскую атмосферу бытия своего героя, настраивался позыла на его восприятие жизни, артист начинает затем осуществлять свой замысел — показать сложный драматический процесс духовного возмужания человека, выявления его нравственного превосходства над пошлостью, над безразличностью окружающей среды. В осуществлении этого замысла А. Борисов не сбивается на сентиментальную чувствительность сострадающего гуманизма, он высветляет воплощаемый им характер с пози-

ций гуманизма мужественно, требовательно, вооружающего человека.

Главствующая тема в репертуаре ленинградского театра отражена и в спектакле «Перед началом солнца» (его поставил, как и два спектакля, о которых речь пойдет ниже, режиссер А. Музалев). В центре пьесы семидесятилетнего Г. Гауптмана образ того семидесятилетнего Маттиаса Клаузена, ставшего трагической жертвой семейного конфликта — разлада со своими детьми и родственниками. Конфликт этот, в чем-то, может быть, традиционный для буржуазной драмы, служит здесь отражением тех политических перемен, которые происходили в немецком обществе в тридцатые годы, когда реакционная буржуазия, ставшая опорой пороченного ею гитлеризма, пыталась все прибрать к рукам, покоячить с подлинной культурой, с такими людьми, как Маттиас Клаузев.

Этот конфликт в передаче театра получает большую, чем у автора, социальную заостренность. Уже хрестоматийным приняло критикой исполнение Н. Симонюком центральной роли в пьесе Г. Гауптмана. Его исполнение имеет живое представление о тех традициях высокого мастерства, которые сложились на сцене Александрии в прошлом веке и обогащены ныне опытом советского театра. Художественная мощь симонюковского таланта сказывается в роли Клаузена в том, как захватывает артист зрителя правдой и силой трагического прозрения своего героя, мучительно переживавшего ду-

ховный крах, пытавшегося осознать, во имя чего же прожит им столь долгая и, увы, сложенная жизнь. Глубокое художественное исследование театром судьбы Маттиаса Клаузена подводит к выводу: чем ярче и добротнее, честнее и благороднее личность, тем негоднее она обществу, основанному на подавлении человеческого достоинства, на отрицании нравственных, гуманистических основ бытия.

Об этой ответственности идет речь и в спектакле «Справедливость — мое ремесло». Пьеса Л. Жужовича, поставленная в ряде театров под разными названиями, даже с разными именами героев, не встретила единодушного одобрения театральной критики, ей доставалось во многих рецензиях. У ленинградцев же она предстала перед нами словно бы в новом качестве.

Цельность замысла репертуара пушкинского театра подтверждает и постановка прежних лет, показанные на гастрольях: «Южаны Севт-Экзюпери» Л. Малиюгина и «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа. В них продолжалось исследование избранной театральной темы.

Даже эти спектакли, как и другие постановки, говорят о сложившейся традиции театра: когда требуют интересы дела, поручать большим артистам небольшие роли. В инсценировке романа Ю. Германа эпизодическая роль старшего хирурга Богословского несколько не ограничила возможности ярко проявиться обаянию большого и мудрого таланта Ю. Толубеца. Таланта, способного достигать той

И. Горбачев, обладающий счастливым даром большого сценического обаяния. Он являлся, тонко, казалось бы, переплывало, в корешок, чуть ироничным манером ведет роль Кишиштофа. Роль освобождала артистом от груза правдоподобной диалектики, во этом она нисколько не облегчала, театр всерьез говорит о том, как важно осознание личностью высокой меры своей гражданской ответственности.

Об этой ответственности идет речь и в спектакле «Справедливость — мое ремесло». Пьеса Л. Жужовича, поставленная в ряде театров под разными названиями, даже с разными именами героев, не встретила единодушного одобрения театральной критики, ей доставалось во многих рецензиях. У ленинградцев же она предстала перед нами словно бы в новом качестве.

Цельность замысла репертуара пушкинского театра подтверждает и постановка прежних лет, показанные на гастрольях: «Южаны Севт-Экзюпери» Л. Малиюгина и «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа. В них продолжалось исследование избранной театральной темы.

живописной простоты на сцене, которая под силу лишь искусному мастеру.

Остается еще сказать о последнем спектакле Ленинградского театра драмы — «Артем», посвященном выдающемуся большевику, замечательному профессиональному революционеру ленинской школы Федору Сергееву. Спектаклю этому надлежало бы достойно увековечить большой труд театра, отданный им на протяжении многих лет главной теме своего творчества. Но ожидания эти оказались неоправданными.

Пьеса А. Хазина не годилась для создания большого героического спектакля. Она лишена драматургии событий, не показывает самого главного — духовного, нравственного, идеального процесса формирования и становления героического характера большевика-революционера. Постановка «Артем», надо думать, послужит для театра памятным уроком: в искусстве нельзя поступаться его высоким гражданскими интересами, проявлять нетребовательность, смириться с посредственностью. Говорить об этом следует прямо: ведь речь идет о художественном авторитете служебного академического театра страны.

На гастрольях в Москве он еще раз заявил о себе как талантливый коллектив. Многие творческие взаимосвязи. Он дорожит теми традициями, которые закладывались на его сцене, когда в зрительном зале сидел захваченный игрой актёр Пушкин. Он устанавливает героическое единение этих традиций с лучшими традициями советской сцены много и настойчиво работает над достойным воплощением современной темы. И от него можно и должно многого ожидать — ведь большому кораблю предначуждено и большое плавание.

Н. АБАЛКИН.

СПРАВКА
Г. МОСКВА

1961 ГОДА
27 ИЮНЬ